Канадские поселенцы

Автор:
Фредерик Марриет

Канадские поселенцы

Фредерик Марриет

«В 1794 г. одна английская семья отправилась в Канаду с целью поселиться там. Раньше Канада принадлежала французам, но лет за тридцать до упомянутого времени перешла к англичанам. В ту пору переселиться в Канаду было не то, что теперь: и самый переезд, и пребывание в этой стране были сопряжены с большими опасностями. На реках, изобилующих порогами и быстринами, не было еще пароходов; индейцы населяли значительную часть северной Канады, встречаясь и в южной во многих местах; кроме того, вся страна кишела дикими зверями, из которых некоторые являлись полезными человеку, но большинство весьма опасными. Европейцев в те времена там было еще мало, и все больше французы, которые не были расположены к новым хозяевам страны. Правда, за эти тридцать лет сюда выселилось много англичан, основавших здесь в разных местах свои фермы, но так как французы, владевшие раньше страной и колонизовавшие ее, владели здесь всеми лучшими землями, то вновь прибывавшие поселенцы были вынуждены селиться либо в северной Канаде, либо поблизости ее. Хотя земли здесь были не хуже, а даже лучше, чем в южной Канаде, но расстояние от Квебека и Монреаля, а также и от других населенных центров было так велико, что селившиеся там люди были предоставлены самим себе и совершенно беззащитны. Поэтому нужны были какие-нибудь основательные и серьезные причины, чтобы целая семья решилась покинуть родину и переселиться в Канаду. Постараюсь сообщить читателю эти причины…»

Фредерик Марриет

Канадские поселенцы

Глава I

В 1794 г. одна английская семья отправилась в Канаду с целью поселиться там. Раньше Канада принадлежала французам, но лет за тридцать до упомянутого времени перешла к англичанам. В ту пору переселиться в Канаду было не то, что теперь: и самый переезд, и пребывание в этой стране были сопряжены с большими опасностями. На реках, изобилующих порогами и быстринами, не было еще пароходов; индейцы населяли значительную часть северной Канады, встречаясь и в южной во многих местах; кроме того, вся страна кишела дикими зверями, из которых некоторые являлись полезными человеку, но большинство весьма опасными. Европейцев в те времена там было еще мало, и все больше французы, которые не были расположены к новым хозяевам страны. Правда, за эти тридцать лет сюда выселилось много англичан, основавших здесь в разных местах свои фермы, но так как французы, владевшие раньше страной и колонизовавшие ее, владели здесь всеми лучшими землями, то вновь прибывавшие поселенцы были вынуждены селиться либо в северной Канаде, либо поблизости ее. Хотя земли здесь были не хуже, а даже лучше, чем в южной Канаде, но расстояние от Квебека и Монреаля, а также и от других населенных центров было так велико, что селившиеся там люди были предоставлены самим себе и совершенно беззащитны. Поэтому нужны были какие-нибудь основательные и серьезные причины, чтобы целая семья решилась покинуть родину и переселиться в Канаду. Постараюсь сообщить читателю эти причины.

Мистер Кемпбель, глава упомянутой семьи, был человек хорошего происхождения, но будучи сыном небогатых родителей, вынужден был избрать себе профессию и сделался врачом. Проработав несколько лет по разным госпиталям и больницам, он обзавелся сначала небольшой частной практикой, но вскоре был признан способным и добросовестным врачом, и практика его стала быстро возрастать. Ему не было еще тридцати лет, когда он женился.

У мистера Кемпбеля была всего только одна сестра, жившая с ним, так как родители ее давно умерли. Спустя лет пять после его женитьбы она вышла за человека небогатого, но стоявшего на хорошей дороге.

Время шло быстро, и по прошествии десяти лет мистер Кемпбель был уже человеком состоятельным и многосемейным, так как жена подарила ему

четырех сыновей, из которых младшему было всего несколько месяцев.

Но в эти годы его постигло тяжелое несчастье: он потерял свою горячо любимую сестру, которая незадолго до своей смерти овдовела, оставшись от мужа с одной девочкой и в ожидании другой, которая уже родилась в доме брата; сама же она, дав жизнь этому второму ребенку, умерла в родах. Понятно, мистер Кемпбель и его жена оставили у себя обеих маленьких сироток и воспитывали их наравне со своими детьми, не делая между ними никакой разницы.

Таково было положение семьи Кемпбеля лет десять-одиннадцать после женитьбы его, когда случилось совершенно непредвиденное событие, весьма для него приятное: вернувшись домой после обычных профессиональных визитов и сидя за столом вместе с женой и старшими детьми, он получил письмо за большой черной печатью.

Письмо это было следующего содержания:

«Сэр, имею честь и удовольствие уведомить Вас, что со смертью мистера Шольто Кемпбеля, владельца Векстон-Холла в Кумберланде, скончавшегося 19-го числа истекшего месяца, вышеупомянутые поместья, за отсутствием более близких родственников, переходят к Вам. Предполагаемый наследник, как удостоверено, погиб в море вблизи вест-индских берегов, и уже более двадцати шести лет о нем не имелось никаких известий, завещание не было найдено, и, как дознано в настоящее время, такового вовсе не существовало; поэтому все имущество покойного опечатано в ожидании Вашего прибытия и вступления во владение им и поместьями покойного Вашего родственника, когда вам это будет благоугодно. На случай, если бы Вам встретилась надобность в юридическом советнике и поверенном в делах Ваших, покорнейше прошу располагать мною. Всегда готовый к услугам

Гарвей, Пакстон Тори и К°».

Мистер Кемпбель молча передал письмо жене; та прочла его и, не сказав ни слова, положила его на стол.

– Ну, что же ты на это скажешь, милая? – воскликнул мистер Кемпбель, весело вскакивая со своего места.

– Это, конечно, большая неожиданность! – задумчиво произнесла его супруга. – Я всегда думала, что мы с тобой сумеем снести всякую невзгоду; так будем же надеяться, что мы сумеем снести и это благополучие, что, в сущности, гораздо труднее!

– Ты, пожалуй, права, Эмилия! – согласился мистер Кемпбель, садясь на свое прежнее место. – К чему нам это неожиданное богатство? Мы всегда были счастливы и без него!

– Несомненно, оно ничего не прибавит к нашему счастью, но во всяком случае прибавит нам забот! – сказала г-жа Кемпбель. – С другой стороны, оно даст нам возможность способствовать счастью других, и потому возблагодарим и за это Бога.

– Да, да, дорогая моя, возблагодарим Бога и употребим дарованное им нам богатство согласно тому, как Бог того желает, на служение Ему!

Вскоре после того мистер Кемпбель вступил во владение обширными поместьями Векстон-Холла и зажил согласно своему новому общественному положению. Имение было сильно запущено и требовало громадных затрат, так что наибольшая часть доходов уходила на это; тем не менее он помогал всем нуждающимся и являлся настоящим благодетелем для всей округи. Происшедшая в жизни мистера Кемпбеля перемена естественно отозвалась и на его детях: старший сын его Генри, первоначально думавший пойти по дороге отца, теперь поступил в колледж и предназначал себя для политической карьеры; второй, Альфред, избрал морскую службу и был зачислен на королевский фрегат; остальные же двое были еще слишком юны; одному из них было всего два года, когда они переселились в Векстон-Холл; звали его Персиваль, а другому, которого звали Джон, было тогда всего несколько месяцев. Теперь оба они обучались у молодого священника, жившего по соседству с усадьбой. Обе сиротки, Мэри и Эмми, занимались под руководством опытной гувернантки и были прелестные, умненькие, хорошенькие девочки.

Прошло около десяти лет с тех пор, как мистер Кемпбель владел крупным поместьем Векстон-Холл, когда однажды его посетил мистер Гарвей, тот самый поверенный, который уведомил его о неожиданном наследстве, выпавшем на его долю. На этот раз мистер Гарвей явился уведомить мистера Кемпбеля, что в суд подано заявление, и предъявлены права на Векстон-Холл со стороны лица,

выдающего себя за сына погибшего назад тому несколько лет прямого наследника. При этом мистер Гарвей утверждал, что заявление это, вероятно, будет оставлено без последствий, и мистеру Кемпбелю нечего тревожиться. Успокоенный этими уверениями своего поверенного, мистер Кемпбель перестал даже и думать об этом заявлении и ничего не сказал о нем своей жене, которой он привык поверять все.

Однако спустя три месяца он получил извещение от своего поверенного, что дело о возвращении наследства законному якобы наследнику принимает серьезный оборот, и это, во всяком случае, вовлечет настоящего владельца поместья в большие расходы, хотя мистер Гарвей по-прежнему утверждал, что это не более, как мошенническая проделка со стороны мнимого претендента на поместье. И на этот раз мистер Кемпбель решил ничего не говорить жене, не желая ее тревожить и все еще надеясь, что все кончится благополучно.

Глава II

По прошествии нескольких месяцев оказалось, что претензии нового претендента на поместье Векстон были вполне законны, что предполагавшийся и признанный наследник покойного мистера Шольто Кемпбеля во время своего пребывания в Вест-Индии женился и от этого законного брака имел сына, а затем уже погиб, как и было удостоверено, и что лицо, предъявившее теперь свои права на наследство, был действительно законный сын признанного наследника. При таких условиях, конечно, можно было оттянуть на некоторое время возвращение поместий законному наследнику, но во всяком случае вернуть их ему придется, – писал мистер Гарвей.

Прочитав это письмо, мистер Кемпбель пошел прямо к жене, ознакомил ее с положением дела во всех его подробностях и в заключение передал ей письмо мистера Гарвея.

Проглядев это письмо, г-жа Кемпбель сказала:

– Очевидно, дорогой мой, мы в течение всех этих лет владели имуществом, принадлежащим по праву другому лицу, а потому теперь должны возвратить все это законному владельцу. Это справедливо и вполне ясно!

– Да, но не забудь, дорогая, что мы должны передать и поместье и имущество немедленно: это, конечно, необходимо; но трудно так разом стать нищими!

– Несомненно, трудно стать нищими, но мне кажется, что это слово не применимо к нам в данном случае! Богу было угодно дать нам это богатство, теперь Его святая воля решила взять его у нас; так пусть же у нас останется утешение, что мы владели этим чужим богатством честно и честно вернули его настоящему хозяину, и я уверена, что Бог нас не оставит!

– Так я сейчас же напишу мистеру Гарвею, чтобы он прекратил всякие препирательства и заявил законному наследнику, что я готов сейчас же отказаться от своих прав и передать ему все, что ему принадлежит по праву.

– Да, так и напиши, и я уверена, что мы будем счастливы, хотя и будем бедны, быть может!

Не теряя ни минуты, мистер Кемпбель написал, как сказал, и отправил письмо с грумом на почту. Но едва за грумом закрылась дверь, как он закрыл лицо руками и глухо зарыдал.

– Полно, – проговорила ему жена, – ты исполнил свой долг!

– Я не о себе думаю, а о детях! – возразил он.

– Дети будут работать, а в труде есть счастье! – сказала г-жа Кемпбель.

– Да, мальчики как-нибудь пробьются, но девочки! Какой это для них будет громадный переворот!

– Я хочу думать, что мы их не так дурно воспитали, и что они радостно примирятся со своим новым положением и будут для нас отрадой и утехой даже и в бедности. Кроме того, надеюсь, что мы все же не останемся совершенно нищими.

– Это будет зависеть от нового владельца поместья: он может потребовать возвращения ему всех доходов за истекшие десять лет, и тогда мы действительно останемся нищими. Я теперь уже слишком стар, чтобы вновь

начинать карьеру врача; былой практики мне теперь не вернуть; мое место заступили уже молодые, и вот видишь, то, что казалось нам неожиданным счастьем, теперь оказывается скорее несчастьем!

– Полно! Лучше выйдем в сад освежиться, а будущее само покажет нам, что было счастьем и что несчастьем!

Спустя несколько дней пришло еще письмо от мистера Гарвея, в котором он сообщил, что новый владелец, узнав о решении мистера Кемпбеля вернуть ему поместье и имущество без дальнейших препирательств, просил передать, что он не имеет намерения требовать выплаты доходов за истекшие 10 лет, а также предоставляет дом и все остальное в пользование мистера Кемпбеля и его семейства в течение трех месяцев и даже долее, если они того пожелают, чтобы они имели время устроиться и привести в порядок свои дела.

Это весьма обрадовало Кемпбеля, и он в тот же день написал своему поверенному, прося его привести в ясность сумму всех судебных и иных расходов по этому процессу.

Когда получился ответ на это письмо, и Кемпбель подвел итог всем расходам по этому делу, он бессильно опустил голову на руки и простонал:

– Мы окончательно разорены! У нас не останется ни гроша! У меня не хватит даже денег на уплату этих расходов!

– Не кручинься, если у тебя не хватает, то ведь у нас есть еще вся эта обстановка, лошади, экипажи: это все тоже чего-нибудь стоит!

– Но ведь у нас есть еще и другие счета, по которым нужно уплатить!

– Знаю! Я все их собрала и подсчитала: там вовсе не так много, не более 300 фунтов!

– Пусть так! Но что же нам делать, с чего начать? – спросил мистер Кемпбель.

– Прежде всего сократить наши расходы, отпустить слуг и гувернантку, продать лошадей и экипажи, реализовать все, что возможно, и написать Генри, чтобы он

вернулся домой из колледжа, где он не может более продолжать свое учение; о всем остальном мы успеем еще подумать, – заметила г-жа Кемпбель.

Когда девочки узнали о случившемся, они обе побежали в кабинет мистера Кемпбеля и, повиснув у него на шее, молили его не горевать, уверяя, что они готовы сделать все, чтобы он был счастлив, и готовы с радостью работать с утра до ночи, если это будет нужно для поддержания общего благосостояния.

Мистер Кемпбель был тронут этими словами девочек и горячо целовал их и благодарил.

На другой день вся прислуга была рассчитана; гувернантка девочек также.

– Слава Богу, что все это кончено, – сказал мистер Кемпбель, – я чувствую положительное облегчение!

– Дядя, вот письмо от Альфреда; он пишет, что прибыл в Портсмут и, пока состоится его перевод на другое судно, решил побывать здесь… с двумя своими товарищами! Он надеется, что вы ничего не будете иметь против того! – сказала Эмми, входя в комнату.

– Бедняга, он ничего не знает о том, что здесь произошло; мне очень жаль его огорчить отказом, но ты должна написать ему, дитя мое, и уведомить о случившемся!

– Я должна написать ему?

– Да, Эмми, – сказала г-жа Кемпбель, – мы с дядей слишком озабочены: у нас сейчас столько хлопот!

– Что же, я напишу, если вы приказываете, – проговорила девочка и, глотая слезы, вышла из комнаты в тот самый момент, когда в нее входил мистер Батс, аукционист, приглашенный мистером Кемпбелем для распродажи его имущества.

Мистер Батс вручил Кемпбелю письмо от нового владельца поместья мистера Дугласа-Кемпбеля, в котором последний предлагал бывшему владельцу скупить

у него всю обстановку, лошадей, экипажи, словом, все, что он предназначал в продажу, по той оценке, какую назначит мистер Батс, которому он предлагал оценить все по надлежащей стоимости, ничего не удешевляя; и в случае согласия, он поручал тому же мистеру Батсу уплатить за все полностью и немедленно.

Прочитав письмо и ознакомив с его содержанием жену и аукциониста, мистер Кемпбель предложил последнему тотчас же приступить к оценке, если это было возможно.

Батс согласился, и когда оценка была произведена, Кемпбель мог произвести подсчет той суммы, какая оставалась у него в наличности. Это было приблизительно всего-навсего 1700 или 1800 фунтов, представлявших собою теперь все его состояние.

Глава III

Может показаться странным, что, владея десять лет таким громадным поместьем, мистер Кемпбель за все эти годы не подумал ничего отложить на черный день. Но дело в том, что имение было разорено, дела расстроены, когда он принял наследство, и большая часть доходов пошла на улучшение того же поместья и повышение его доходности. Кроме того, большие суммы уходили на постройку и оборудование школ, приютов и богаделен, так что до самого последнего времени не удавалось ничего откладывать, а теперь все, что он успел отложить за последний год, ушло на покрытие судебных расходов по процессу с новым владельцем поместья.

На другой день после оценки и продажи имущества прибыл в Векстон-Холл Генри, старший сын Кемпбелей. Он был чрезвычайно расстроен постигшим его семью горем, но его угнетенное состояние все приписывали его нежным сыновним чувствам, а не мысли о себе и своем будущем. Мистер Кемпбель подолгу совещался с женой относительно того, как им устроить дальнейшую жизнь, и все ничего подходящего они не могли придумать. С таким крошечным капиталом, как 1700 фунтов, нельзя было начать никакого дела, которое могло бы обеспечить существование такой большой семьи. Вернуться же к прежней профессии врача было бесполезно, так как молодые врачи не уступят своей

практики, да и начинать в эти годы снова составлять практику помаленьку было невозможно. Генри мог бы поступить на место, но он годился только как юрист или политический деятель, и как не окончивший курса наук в колледже, не мог занять никакого положения. Альфред, второй сын, служивший во флоте, мог еще прокормить себя, но ведь оставались еще две девочки и два малолетних мальчика.

Время шло, а Кемпбели все еще не могли ничего решить и не знали, куда им деваться, после того как придется покинуть Векстон-Холл. Наконец приехал и их второй сын Альфред; после первых радостных приветствий и объятий мистер Кемпбель высказал сожаление, что не мог принять у себя его товарищей.

– Это действительно было очень обидно! Но что же делать?! Мои товарищи вполне поняли ваше положение и отнеслись к нему очень сочувственно. Но где же брат Генри и сестры?

– Они гуляют в парке. Поди к ним туда; они ждут тебя с большим нетерпением! – сказала мать.

– Иду, матушка! Надо поскорее покончить с этими объятиями и поцелуями и тогда уж поговорить серьезно о деле! Так до свидания пока! – добавил юноша и побежал в парк разыскивать брата и сестер.

– Во всяком случае, он не подавлен! – заметила г-жа Кемпбель. – Слава Богу, что хотя он сохраняет бодрость духа!

Выйдя в парк, Альфред очень скоро нашел тех, кого искал, и после бесчисленных объятий и поцелуев стал расспрашивать о положении дел в семье. Спустя немного Генри, который казался чрезвычайно подавленным, попросил Мэри и Эмми оставить его на время одного с братом, так как он желал переговорить с ним с глазу на глаз. Девушки поспешили удалиться.

– Ты страшно удручен, – Генри, сказал Альфред, когда они остались одни. – Неужели положение столь ужасно?

– Положение, во всяком случае, незавидное, но что меня особенно удручает, это то, что мое личное неблагоразумие еще более ухудшило его! Дело в том что у отца всего-навсего осталось теперь 1700 фунтов капитала, и это на такую

семью, как наша, а между тем я там, в колледже, наделал долгов приблизительно фунтов на 200, рассчитывая уплатить все на Рождество, когда должен был получить от отца деньги. Отец всегда предостерегал меня от долгов, прося не тратить более того, что я получал ежемесячно, и не делать никаких расходов в счет будущего, но я не послушался и теперь не могу примириться с мыслью покинуть колледж, не уплатив своих долгов, и в то же время не могу решиться сказать об этом отцу, зная, что нанесу ему этим страшный удар, вынуждая его расстаться с 200 фунтами в такой момент. Вот что меня так удручает! Я знаю, что отец тотчас же уплатит мои долги, но вырывать у него из рук последние гроши – это положительно убивает меня; я не могу простить себе своего легкомыслия; я не сплю по ночам, боюсь смотреть отцу в глаза. Я только ждал тебя, чтобы попросить сказать об этом отцу; я же положительно не в состоянии этого сделать: мне кажется, что я умру со стыда!

– Полно, Генри, – весело возразил Альфред, – да ведь это самое обыкновенное дело, в сущности: кто из нас не должал, особенно если имел в виду получку и рассчитывал честно расплатиться? Беда, конечно, в том, что в данном случае обстоятельства так изменились, и я верю, что теперь ты готов был бы отдать целый год жизни, чтобы у тебя не было долгов. Но успокойся; тебе нет надобности так расстраиваться; я только что получил свое жалование и призовые деньги за последние 18 месяцев, да мне еще предстоит получить за одно французское каперское судно; всего наберется за 250 фунтов, которые я и хотел отдать отцу, зная его теперешнее тяжелое положение. Но ведь выйдет на одно: отдам ли я их ему или тебе на уплату твоих долгов! Так вот, возьми их, уплати все, что следует, остальное верни мне. Отец не знает, что у меня есть деньги, и пусть и не узнает о них, а вместе с тем не узнает ничего и о твоих долгах, – и все будет в порядке!

– Не знаю, как и благодарить тебя, Альфред! Ты не поверишь, какую тяжесть ты снял у меня с души! Теперь я буду в состоянии смотреть отцу в глаза, благодаря тебе!

– А знаешь, случись это несчастье с отцом в прошедший мой приезд, я был бы совершенно в таком же положении, как ты теперь; у меня был неуплаченный счет от портного длиною с вымпел нашего фрегата, а в кармане не на что было бы и мыши позавтракать! Однако пойдем к нашим и постараемся быть бодрыми и веселыми, насколько возможно.

Действительно, бодрое расположение духа Альфреда благотворно подействовало на всех. После вечернего чая, когда семья осталась одна, мистер Кемпбель счел нужным разъяснить подробно все положение дел при всех своих детях, затем предложил каждому подать совет относительно того, что предпринять дальше. Первым должен был высказаться Генри как старший.

– Если вы с матушкой ничего не могли придумать, то я едва ли могу помочь вам в этом, – проговорил он. – Я могу только сказать, на что бы вы ни решились, я всеми силами буду помогать вам и работать на вас и на всю семью, как и чем могу.

– В этом я нисколько не сомневаюсь, Генри, – сказал отец, – но пока нам всего более нужен добрый совет! Ну, Альфред, теперь очередь за тобой! Не имеешь ли ты предложить нам что-нибудь?

– Я, видишь ли, отец, уже много думал об этом и старался найти какой-нибудь выход из нашего положения и вот что хочу предложить тебе: те несколько сот фунтов, что осталось у тебя, не дадут тебе возможности существовать здесь с такой большей семьей: здесь это почти не деньги. Но в другой стране эти сотни стоят тысяч! Здесь большая семья является тяжелым бременем, а в другой стране она – источник богатства, и чем многочисленнее семья, тем человек богаче. И вот, если бы ты согласился переселиться в другую страну со своей семьей, то вместо того, чтобы быть бедняком здесь, был бы богатым человеком там.

– Что же это за благословенная страна, Альфред?

– Это я сейчас скажу, отец. Родной брат нашего казначея на судне переселился в Канаду вскоре после того, как французы были вытеснены из нее; у него было всего-навсего только 300 фунтов капитала; теперь уже года четыре, как он живет там, и когда мы пришли в Портсмут, наш казначей получил от него письмо, которое я читал, и в котором он пишет брату, что живется ему хорошо, и что он быстро богатеет, что в настоящее время у него ферма в 500 акров, из которых 200 акров уже расчищены и обработаны, и если бы его дети были достаточно велики, чтобы помогать ему, то он к этому времени был бы уже втрое богаче, так как прикупил бы еще больше земли. Там землю можно приобретать по доллару за акр, да еще и на выбор. На ваши деньги можно купить очень много земли и с вашей семьей вам нетрудно будет ее обработать, так что по прошествии нескольких лет вы уже будете зажиточным хозяином,

владельцем громадного хозяйства. Мы, ваши дети, будем работать с вами и на вас, и впоследствии вы будете иметь удовлетворение знать, что вы оставите их всех обеспеченными и независимыми.

– Я готов признать, сын мой, что твой план заслуживает внимания и обсуждения, но согласись, что есть в нем и некоторые отрицательные стороны!

– Отрицательные стороны! – повторил Альфред. – Да, конечно! Если бы можно было приобретать богатые и доходные поместья только тем, что вы явились и вступили во владение ими, то таких поместий немного бы осталось! Конечно, придется много и тяжело работать, при случае терпеть лишения, жить в бревенчатой избе, пока не выстроим себе большого и комфортабельного дома; придется переносить суровую зиму, отдалиться от всякого общества, переносить отсутствие не только соседей, но и вообще людей, при случае подвергаться опасности со стороны диких зверей и дикарей, не иметь никаких вестей о том, что происходит на нашей дорогой родине, – да! Но со всем этим придется мириться. Что же касается тяжелой работы, то мы с Генри постараемся, сколько возможно, взять ее всю на себя; что касается суровой зимы, то хорошего топлива там вволю. Пусть избушка будет простовата и тесна, зато девочки постараются сделать ее уютной. Если у нас не будет общества, то разве мы не можем удовольствоваться обществом друг друга? Если будет грозить опасность от дикарей и диких зверей, то у нас будет огнестрельное оружие, здоровые руки и смелый дух, чтобы защищаться! При таких условиях, право, не вижу, почему бы мы не могли быть счастливы и довольны там как и здесь!

– Альфред, – заметила г-жа Кемпбель, – ты говоришь так, как будто отправишься вместе с нами!

– Да, конечно! Неужели же ты думаешь, что я остался бы здесь, если бы вы выселились туда, да еще зная, что я могу быть вам там полезен, даже нужен?! Конечно, я люблю свою морскую службу, но мой долг прежде всего помогать отцу и семье, и я был бы несчастным человеком, если бы вы уехали туда без меня; мне бы каждую ночь снились индейцы, похищающие Мэри, или громадный медведь, душащий в своих громадных лапах мою маленькую Эмми.

– Ну, что ж, я рискну и примирюсь с индейцами! – проговорила Мэри.

– А я помирюсь с громадным медведем! – добавила Эмми. – Быть может, он только обнимет меня так же крепко, как Альфред, когда он нынче вернулся из плавания.

– Благодарю вас, мисс, за лестное сравнение! – отозвался, смеясь, Альфред.

– Во всяком случае, предложение твое, Альфред, заслуживает всестороннего рассмотрения, – заметила г-жа Кемпбель, – и мы с отцом поговорим о нем, взвесим все и за и против, затем, может быть, завтра утром объявим вам свое решение, а теперь пора нам всем ко сну!

– Я увижу во сне индейцев, я уверена! – сказала Мэри.

– А мне будет сниться медведь! – отозвалась Эмми, лукаво взглянув на Альфреда.

– А мне хорошенькая девушка, которую я видел в Портсмуте!

– Я тебе не верю, Альфред! Никакой хорошенькой девушки ты в Портсмуте не видел! – крикнула Эмми и убежала из комнаты.

На другой день все сошлись в столовой довольно рано. После общей молитвы все принялись за утренний завтрак, и, когда кончили, мистер Кемпбель обратился к присутствующим.

– Дети мои, вчера после вашего ухода мы еще долго обсуждали предложение Альфреда и пришли к заключению, что другого выбора у нас нет, и если все вы согласны с нами, то мы решили переселиться в Канаду и попытать там счастья!

– Я, безусловно, согласен! – отозвался Генри.

– А вы, девочки?

– А мы? Да мы пойдем с вами на край света! – воскликнули в один голос обе сестры.

– Ну, а теперь, дети мои, – заговорил снова мистер Кемпбель после некоторого молчания, – раз мы уже решили выселиться, то приступим немедленно к приготовлениям. Что вы прежде всего намерены делать? Ты, Генри, и ты, Альфред?

– Я должен немедленно поехать в Оксфорд и устроить там свои дела, продать книги, передать комнату, разделаться с разными ненужными вещами…

– А достаточно ли у тебя денег, чтобы расплатиться со всеми? – спросил отец.

– Да, вполне достаточно! – отозвался Генри слегка покраснев. – Не беспокойся об этом.

– А я, если здесь ни на что не нужен, – сказал Альфред, – отправлюсь сегодня же в Ливерпул, так как нам придется отплыть с одним из тамошних судов, и там соберу все необходимые сведения и напишу нашему казначею, от которого тоже постараюсь разузнать все, что можно. Как только я буду иметь, что сообщить вам, напишу вам немедленно.

– Нет, ты напиши нам во всяком случае, – проговорила г-жа Кемпбель, – чтобы мы знали, что ты благополучно доехал!

– Хорошо, мамаша, напишу!

– Есть ли у тебя деньги? – спросил отец.

– Хватит, – отозвался Альфред, – ведь я не на четверке поеду!

– Ну, а мы пока останемся здесь, будем собираться и укладываться! А ты там, в Ливерпуле, присмотри для нас скромное недорогое помещение, в котором мы могли бы остановиться по приезде туда. Когда вообще отправляются из Ливерпуля суда в Квебек?

– Обыкновенно, приблизительно в это время, т. е. в марте; теперь почти каждую неделю идут суда в Канаду, и чем раньше мы уедем, тем лучше; надо нам успеть хорошенько устроиться на месте до наступления зимы!

Вскоре в округе стало известно, что мистер Кемпбель с семейством переселяется в Канаду, и все арендаторы явились к нему, предлагая ему наперебой своих лошадей и фургоны для перевозки его вещей в Ливерпуль совершенно безвозмездно, из чувства благодарности за его доброе отношение к ним.

Спустя несколько дней пришло письмо от Альфреда, который писал, что он познакомился с купцами, ведущими торговлю с Канадой, и заручился от них рекомендательными письмами к канадским купцам-англичанам, которые всегда готовы оказать содействие новым переселенцам. Кроме того, он успел осмотреть одно прекрасное судно, отправляющееся в Квебек ровно через три недели, и даже сторговался в проездной плате с капитаном на случай, если они успеют управиться к тому времени со всеми своими делами.

Генри также вернулся из Оксфорда и привез с собой небольшую сумму денег, вырученную от продажи книг и других вещей. Теперь он был бодр и весел и усердно помогал матери и девочкам при укладке. Не прошло двух недель, как вся семья Кемпбелей была совершенно готова к отъезду. Они обошли в последний раз парк и поля, затем все комнаты в доме, чтобы убедиться, что все оставляется ими в чистоте и порядке. Проходя по гостиной, девушки вздохнули, взглянув на рояль и арфу, которые оставались здесь.

– Не беда, Мэри! – сказала Эмми. – У нас с собой наши гитары, и мы без рояля и арфы можем устраивать себе концерты там, в лесах Канады!

На другой день поутру семья Кемпбелей покинула Векстон-Холл, провожаемая всеми фермерами, арендаторами и беднейшим населением всей округи, а к вечеру следующего дня они уже прибыли в Ливерпуль, где Альфред приготовил им временное помещение. Вся кладь и багаж были доставлены прямо на судно, и четыре дня спустя «Лондонский Купец», – так звали судно, на котором должны были отплыть наши друзья, – снялся с якоря и вышел в море.

Глава IV

Теперь скажу несколько слов о возрасте, характере и особенностях, каждого из членов этой семья.

Мистер Кемпбель был человек с большими достоинствами, хороший семьянин, любящий отец, человек мягкий, не особенно энергичный, но сведущий, образованный и умный, но слишком доверчивый и добродушный и потому часто дающийся в обман.

Г-жа Кемпбель, напротив, была женщина чрезвычайно энергичная, решительная, но вместе с тем мягкая и женственная; она отличалась большим самообладанием и уравновешенным характером, благодаря чему и могла прекрасно воспитать своих детей. И если была не свете женщина, способная идти навстречу всем ожидавшим их теперь затруднениям и опасностям, то это была она, обладавшая редким мужеством, присутствием духа, умом и энергией.

Генри, старший, которому было теперь 20 лет, походил характером скорее на отца, чем на мать. По природе своей он был склонен к некоторой бездеятельности, тогда как Альфред, в противоположность брату, был чрезвычайно энергичен и деятелен, а в случае надобности терпелив, настойчив и работящ. Все, за что он брался, он непременно доводил до конца, при этом он был очень бодр и весел и в то же время самоуверен и неустрашим.

Мэри Персиваль была милая, приветливая, вдумчивая и рассудительная девушка, спокойная, но не печальная, не особенно разговорчивая, кроме как только с сестрой. Тетку и дядю она положительно боготворила и готова была для них на всякое самопожертвование; о себе она была невысокого мнения вследствие излишней скромности; ей недавно исполнилось семнадцать лет, и так как наружность у нее была чрезвычайно привлекательная и миловидная, то очень многие ею восхищались.

Эмми было всего только еще 15 лет, и она мало походила на сестру; это был чрезвычайно веселый, шаловливый ребенок, беспечный, как жаворонок, просыпавшийся и ложившийся с звонкой радостной песнью. Но при всей своей веселости и чистосердечной откровенности она почти никогда не переходила в нескромность; живость ее темперамента никогда не увлекала ее за границы позволенного, и в отсутствие Альфреда она являлась пульсирующей струей жизни в семье, где только один Альфред мог соперничать с ней в этом отношении.

Третьему сыну мистера и миссис Кемпбель было теперь 12 лет; звали его Персиваль. Это был очень спокойный, разумный и послушный мальчик,

чрезвычайно внимательный ко всему, что ему говорили, чрезвычайно любознательный и по природе весьма пытливый и спокойный.

Младшему мальчугану, Джону, было всего только десять лет; это был типичный англичанин: крепкий, сильный, здоровый, не особенно любивший учиться, но весьма способный и смышленый. Во всем, что бы он ни делал, он был нетороплив, даже, скорее, слишком медлителен и неразговорчив; он был неглуп, но никогда ни к кому не обращался ни с каким вопросом, и трудно было сказать, что выйдет из этого странного мальчика.

Такова была эта семья в то время, когда они, войдя на борт «Лондонского Купца», с попутным ветром вышли в Ламанш.

В Корке «Лондонский Купец» присоединился к целой флотилии торговых судов, при которых состояли конвоирами большое пятидесятиорудийное судно и два фрегата меньших размеров. Когда «Лондонский Купец» стал с остальными на якорь, то Альфред, привычный к морю и не страдавший морской болезнью, вышел на палубу и, облокотясь на поручни, стал смотреть на теснившиеся кругом суда; стройные мачты военных судов невольно приковали к себе его внимание, и при виде развевающегося вымпела сердце его дрогнуло и на глаза навернулась слеза, при мысли, что он лишен возможности идти по избранному им пути, продолжать так успешно начатую им службу. Жертва, принесенная им в данном случае, была несравненно более тяжелой, чем это казалось. Он говорил о ней небрежно, как о пустяке, даже не сказал отцу, что только что сдал экзамены на лейтенанта, и что капитан обещал ему быстрое повышение по службе; он не сказал, что отказался ради семьи от самой заветной своей мечты – стать самостоятельным командиром хорошего фрегата. Он никому ничего не сказал об этом и казался весел и беспечен, но теперь, оставшись один на палубе и видя пред собой вымпел военного судна, не в силах был совладать с своим горем и глубоко вздохнув, отвернулся, скрестил на груди руки и промолвил: «Я исполнил свой долг по отношению к тем, кто до сего времени исполнял свой долг по отношению ко мне! Трудно, горько и обидно бросать службу как раз в тот момент, когда все трудности уже пережиты и когда перед вами открыт свободный путь, и идти вместо того работать топором в диких лесах далекой Канады, но мог ли я допустить, чтобы отец, мать, братья и сестры мои боролись с опасностями и лишениями одни, без меня, когда у меня есть и сильная рука, и бодрый дух, которые могут помочь им в этой трудной борьбе? Нет, нет, я должен был поступить так, как я это сделал…»

– Послушай, любезный, – обратился Альфред к одному из шатавшихся по палубе матросов, – что это за судно, вон тот шестидесятиорудийный корабль?

– А почем я знаю, на котором из них пятьдесят, а на котором сто орудий? – ворчливо отозвался ирландец. – Ну, а если вы спрашивали про самое большое из них, то я скажу, что это «Портсмут».

«Портсмут»! То самое судно, на которое назначен командиром его бывший командир, хотевший взять его к себе лейтенантом, капитан Лемлей! Я поеду к нему! – И Альфред бегом спустился вниз, разыскал капитана своего транспорта и просил разрешить ему воспользоваться шлюпкой, чтобы съездить на военный корабль. Получив разрешение, молодой Кемпбель спустя четверть часа был уже на борту «Портсмута», где его встретили некоторые из его прежних сослуживцев, очень обрадовавшиеся ему. Немного спустя он послал человека вниз спросить, не примет ли его капитан Лемлей, в ответ на что тотчас же получил приглашение спуститься в каюту.

– Наконец-то, вы все-таки явились к нам, мой юный друг! – встретил капитан Лемлей. – Бросать службу и как раз в такой момент, когда все вам улыбалось, что это была за дикая фантазия с вашей стороны! Я был уверен, что вы одумаетесь… Что могло побудить вас отказаться от службы?

– Мой долг по отношению к родителям, капитан, и поверьте, мне это было нелегко, но судите сами! – отвечал юноша и рассказал ему в кратких словах свое положение и положение своей семьи и их решение выселиться в Канаду.

Капитан Лемлей слушал его, не прерывая до конца, затем сказал:

– Да, вы поступили прекрасно, это делает вам честь, хотя жаль, что служба теряет в вас такого прекрасного, такого энергичного представителя! Впрочем, такие люди везде нужны. Вы принесли себя в жертву; я это ясно вижу, и ваши родители также приняли не легкое решение; через полчаса я поеду с вами к ним, и вы познакомите меня с вашей уважаемой семьей, а пока идите поболтать с вашими прежними сослуживцами!

Через полчаса ровно капитанская шлюпка была подана, и капитан Лемлей в сопровождении Альфреда отправился на транспорт «Лондонский Купец». Здесь Альфред познакомил своего бывшего командира со своими родителями и

семьей, и вскоре взаимные отношения их стали дружественными и непринужденными.

– Я вполне понимаю, что присутствие вашего сына там, в Канаде, будет вам необходимо, – заметил между прочим капитан, – но здесь, на транспорте, я думаю, вы могли бы обойтись и без него. Дело в том что один из моих лейтенантов просит меня позволить ему списаться с моего судна по семейным обстоятельствам; не имея кем заменить его, так как мы должны завтра или после завтра выйти из порта, я вынужден был отказать ему; теперь же, если вы согласны отпустить вашего сына ко мне на «Портсмут», я отпущу того лейтенанта, а вашего Альфреда зачислю лейтенантом действительной службы. Если в продолжение пути у нас навернется какая-нибудь стычка, что в настоящее военное время весьма возможно, его повышение будет обеспечено, а если даже ничего не произойдет, я по прибытии в Канаду позабочусь об утверждении его в чине лейтенанта нашим адмиралтейством. По прибытии в Квебек он присоединится к вам, и не с пустыми руками, а с полугодичным жалованьем лейтенанта, которое, быть может, пригодится вам там, в лесах Канады. А в случае, если бы по прошествии двух-трех лет вы настолько хорошо устроились там, в своих лесах, что могли бы обойтись без Альфреда и разрешили бы ему вернуться на морскую службу, то как лейтенант он сумел бы скоро выдвинуться вперед и сделаться самостоятельным командиром судна. Подумайте о моем предложении; я могу дать вам срок до завтра, а завтра утром Альфред придет ко мне и привезет мне ваш ответ!

– Мне кажется, капитан, – заметила миссис Кемпбель, – что нам, т. е. моему супругу и мне, не надо даже и этого срока на размышление; единственное возражение моего мужа было бы, конечно, то, что могу ли я обойтись без сына во время пути; но я не считаю себя вправе препятствовать счастью сына и могу только сказать за себя, что с благодарностью принимаю ваше предложение и представляю своему мужу ответить за себя!

– Смею вас уверить, капитан Лемлей, что моя жена высказала именно то, что бы сказал и я, и потому, со своей стороны могу только благодарить вас! – проговорил мистер Кемпбель.

– Если так, то пусть Альфред явится завтра утром на «Портсмут», назначение его лейтенантом уже будет объявлено и оформлено к тому времени. Мы уходим, вероятно, завтра вечером или послезавтра на заре, а потому мне едва ли удастся еще раз быть у вас, мистер Кемпбель, так что я пожелаю вам и всему

вашему семейству счастливого пути и прощусь с вами.

Откланявшись всем, капитан Лемлей вышел из каюты и поднялся на палубу в сопровождении Альфреда.

– Как вижу, – заметил он, обращаясь к молодому лейтенанту, – у вас прелестные кузины, мой друг, жаль, что такие очаровательные девушки будут погребены в лесах Канады! Итак, до завтра, к девяти утра!

Капитан сел в ожидавшую его шлюпку и вернулся на свое судно.

– Капитан Вильсон, – сказал Альфред, прощаясь поутру с капитаном транспорта, – вы такой превосходный шкипер, что я надеюсь, все время будете держаться как можно ближе к нам!

– Да, мистер Альфред, чтобы сделать вам удовольствие, постараюсь, кроме тех только случаев, когда у вас дело дойдет до перестрелки; тогда я поспешу отойти на почтительную дистанцию! – засмеялся капитан Вильсон.

– Ну, конечно! Итак, прощайте! Эмми, если ты захочешь, то можешь меня видеть в подзорную трубу, не забудь это! – добавил Альфред.

– И ты меня также, вероятно? – засмеялась Эмми. – Прощай! До свидания в подзорную трубу!

Альфред уехал на свое судно, а на другой день весь караван судов и транспортов вместе с конвоирами в числе 120 парусов ушел в море.

Здесь мы расстанемся с мистером Кемпбелем и его семьей и последуем за Альфредом на «Портсмут» на пути его в Квебек.

В продолжение нескольких дней погода стояла хорошая, и весь караван держался вместе, соблюдая порядок. Транспорт «Лондонский Купец» все время держался поблизости от «Портсмута». Альфред, стоя на вахте, большую часть времени не выпускал из рук подзорной трубы и наблюдал за тем, что делалось на транспорте, где занимались тем же, чем и он, т. е. смотрели тоже в подзорную трубу, затем махали в воздухе над головой белым платочком в знак

привета. Но вот они пришли к берегам Ньюфаундленда, и их заволокло густым белым туманом. Военные суда почти беспрерывно давали выстрелы, чтобы остальные суда могли знать направление и следовать за ними, а на торговых судах и транспортах звонили в колокол, чтобы не наткнуться друг на друга.

Туман держался двое суток, а на третий день в ту самую пору, когда все маленькое общество на «Лондонском Купце» сидело за обедом, капитан Вильсон вдруг услышал шум, топот и крики на палубе. Поспешно выбежав наверх, он увидел, что команда какого-то французского судна взяла его судно на абордаж и оттеснила вниз команду транспорта, иначе говоря, овладела его судном. Так как ничего не оставалось делать, то капитан поспешил в каюту известить своих пассажиров, что он в плену у французов. Хотя известие это и поразило их, тем не менее никто не жаловался и не плакал, зная, что этим беде не поможешь.

Однако аппетит у всех пропал, и обед остался почти не тронутым; но зато французский офицер и его люди быстро уничтожили все, что от него осталось.

Четверть часа спустя капитан Вильсон, все это время остававшийся на палубе, пришел вниз с известием, что туман начинает рассеиваться, и он надеется, что их конвоиры отобьют их у французов. Это весьма порадовало мистера Кемпбеля и его семью; вскоре они услышали пушечную пальбу в недалеком расстоянии, и французы, находившиеся на борту «Лондонского Купца», стали проявлять несомненные признаки тревоги и беспокойства.

Дело в том что небольшая французская эскадра, состоящая из одного 60-пушечного корабля и двух корветов, подстерегала караван английских торговых судов и транспортов и под прикрытием тумана врезалась в самую середину каравана; прежде чем их успели заметить, они захватили несколько судов и собиралась увести их за собой. Но благодаря тому же туману их 60-пушечный корабль подошел настолько близко к «Портсмуту», что Альфред, стоявший в это время вахту и зорко смотревший во все стороны, заметил, что близстоящее судно не из числа судов их каравана.

Он поспешил уведомить капитана, и людям было немедленно приказано стать по местам, но без сигнальных свистков, без барабанного боя, без малейшего шума; приказано было даже не говорить, чтобы неприятель не мог заметить, что они так близко. Между тем с «Портсмута» видели, как с французского корабля спускали катера, которые абордировали другие, близ находящиеся суда, при этом слышна была и французская команда. Теперь не оставалось больше

сомнения, и капитан Лемлей повернул нос своего корабля прямо против неприятеля и угостил его своим бортовым огнем в тот момент, когда тот вовсе не был к тому подготовлен, хотя на всякий случай орудия его были освобождены от чехлов и в полной готовности. В ответ на огонь «Портсмута» французы ответили криком: «Vive la Republique!» В следующий момент завязался горячий бой, причем «Портсмут» имел то преимущество на своей стороне, что успел стать поперек пути неприятелю.

На море от усиленной пальбы вдруг наступил полный штиль, и суда оставались неподвижно на своих местах. Француз мог отвечать на бортовой огонь неприятеля только из шести или пяти носовых орудий; оба судна были окутаны густым дымом, так что трудно было что-нибудь различить, несмотря даже на то, что сражающиеся суда подошли друг к другу совершенно близко.

На «Портсмуте» можно было с трудом разглядеть только бушприт неприятельского судна, но и этого было достаточно, чтобы знать, куда направить огонь. Стрельба с обоих судов шла беспрерывная, но нельзя было судить, каковы были результаты. После получасовой перестрелки сражающиеся сошлись так близко, что утлегарь французского корабля очутился между грот– и фок-мачтами «Портсмута». Тогда капитан Лемлей приказал привязать бушприт французского корабля к грот-мачте своего судна, что и было немедленно исполнено лейтенантом Кемпбелем и несколькими матросами без большого урона, потому что туман и дым были еще настолько густы, что французы на баке не могли видеть, что делалось на их бушприте.

– Теперь это судно наше! – сказал капитан Лемлей своему старшему лейтенанту.

– Да, сэр, я полагаю, что если бы туман рассеялся, французы спустили бы свой флаг!

– Не думайте этого, они будут биться до последней крайности! Я их знаю, этих республиканцев: они дерутся отчаянно и на суше, и на море!

– Туман рассеивается, сэр, с северной стороны!

– Да, да, вижу, – сказал капитан Лемлей. – Ну, чем скорее разъяснеет, тем лучше; тогда мы увидим, что натворили наши орудия у них и их выстрелы у нас.

Серебристо-белая полоса в северной части горизонта постепенно ширилась и подымалась все выше и выше, и на море появилась рябь от набегающего ветерка; наконец туман поднялся, подобно театральному занавесу, и обнаружил как местонахождение и состояние всего каравана судов, так и сражавшихся судов. Капитан Лемлей увидел, что сражение происходило посредине каравана, и что все суда и сейчас еще сбились кругом, за исключением приблизительно шестнадцати из них, которые были отведены неприятелем на расстояние полутора или двух миль от каравана и повернуты носом в противоположном направлении. Это были, очевидно, суда, захваченные неприятелем. Два английских фрегата, замыкавшие караван, находились еще в двух-трех милях расстояния, но шли теперь на всех парусах на помощь «Портсмуту». Многие из судов каравана, находившиеся под огнем, пострадали в своей оснастке, а, быть может, и более серьезно, чего теперь еще никак нельзя было определить. Но французское линейное судно страшно пострадало: и грот– и фок-мачты его были снесены и упали за борт, все его передние орудия были подбиты, и вообще на борту его все было в ужасающем виде.

– Оно долго не продержится теперь! – заметил капитан Лемлей. – Продолжайте стрелять, ребята, не давайте им времени очнуться!

– «Цирцея» и «Виксен» спешат сюда, сэр! – доложил старший лейтенант. – Мы в них теперь вовсе не нуждаемся, а они только дадут французу возможность сказать, что он сдался втрое сильнейшему неприятелю; лучше бы они отбили наши захваченные французами суда!

– Совершенно верно! – согласился капитан. – Мистер Кемпбель, пожалуйста, подайте им сигнал – преследовать и отбить захваченные суда!

Альфред побежал исполнять приказание. Едва только успели взвиться разноцветные флаги, как неприятельская пуля пробила ему руку выше локтя. Французы, не будучи в состоянии стрелять из большинства своих орудий, осыпали неприятеля мушкетными залпами. Почувствовав, что он ранен, Альфред приказал квартирмейстеру отвязать его шейный платок и перевязать его раненую руку, после чего продолжал порученное ему дело. Тем временем французы сделали отчаянную попытку высвободить свое судно, порубив канаты, которыми его бушприт был привязан к грот-мачте «Портсмута», но матросы английского судна ожидали этого и встретили их стойко. Когда человек двадцать этих доблестных французов пали мертвыми на палубе «Портсмута», они отказались от этой отчаянной попытки и спустя четыре минуты спустили

флаг. Команда «Портсмута» абордировала французское судно с носовой его части во главе со старшим лейтенантом, после чего причалы, которыми было привязано французское судно к мачте английского, были отпущены, и англичане радостным криком приветствовали победу.

Глава V

Французский линейный корабль назывался «Леонидас»; он был выслан в сопровождении двух больших фрегатов, но во время бури потерял их и остался один. Убыль экипажа оказалась громадная у французов; на «Портсмуте» же была незначительная. Спустя два часа после сдачи «Леонидаса» «Портсмут», ведя на буксире свой приз, готов был продолжать путь вместе с конвоируемым им караваном судов, но продолжал лежать в дрейфе, выжидая, когда вернутся остальные два фрегата, отправившиеся отбивать захваченные французами суда. Вскоре фрегаты нагнали их всех, кроме «Лондонского Купца», который как чрезвычайно быстроходное судно ушел дальше всех. Наконец, к величайшей радости Альфреда, который после того как у него была извлечена пуля и сделана перевязка, вышел наверх и, не выпуская из руки подзорной трубы, следил за погоней фрегата за транспортом, «Лондонский Купец» лег в дрейф и был взят англичанами. К вечеру весь караван был в сборе и тронулся дальше. Погода прояснилась, подул легкий ветерок. Миссис Кемпбель, очень тревожившаяся о сыне после боя, поутру упросила капитана Вильсона подойти к «Портсмуту», чтобы можно было узнать, жив ли Альфред. Капитан Вильсон сделал, как его просили, и, написав мелом на большой доске крупными буквами: «все благополучно», выставил эту доску за борт, проходя совсем близко мимо военного судна. Альфреда не было в этот момент на палубе, так как у него сильно повысилась температура, появился озноб, и доктор уложил его в постель, но капитан Лемлей поспешил ответить теми же словами и тем же способом, после чего и супруги Кемпбель успокоились.

– Но как бы я желала увидеть его! – со вздохом сказала г-жа Кемпбель.

– Да, я вас понимаю, – проговорил капитан Вильсон, – но сейчас они там на «Портсмуте» страшно заняты: надо убрать палубы, приготовить помещение для пленных, а их там очень много, разместить раненых, исправить все повреждения на судне и в оснастке; им некогда обмениваться любезностями и приветствиями!

– Вы правы, капитан, нам надо дождаться, когда мы прибудем в Квебек!

– Как жаль все-таки, что мы не видели Альфреда! – сказала Эмми.

– Он, вероятно, был занят внизу, мисс! – отозвался капитан.

– Да, да, но мы скоро его увидим в подзорную трубу, и этого будет достаточно!

Вскоре караван стал подходить к устью реки св. Лаврентия; Персиваль Кемпбель не спускал глаз с моря, где резвились дельфины и киты.

– Скажите, пожалуйста, капитан Вильсон, что это за животные там, эти громадные, белые существа? – спросил мальчик.

– Это киты, мой милый, белые киты; они только в этой местности встречаются!

– А какого же они цвета в других странах?

– На севере они черные, а в южных морях темно-серые или темно-бурые; это так называемые кашалоты!

Затем капитан Вильсон, дважды плававший на китобойных судах, рассказал подробно о способах ловли китов в северных морях и в южных.

Персиваль никогда не уставал слушать и расспрашивать, и капитан Вильсон охотно делился с ним своими знаниями. Маленький Джон обыкновенно стоял где-нибудь неподалеку и казался весьма торжественным и сосредоточенным, но никогда не говорил ни слова.

– Ну, Джон, скажи, о чем сейчас рассказывал вам капитан Вильсон? – спросила Эмми.

– О китах! – на ходу вымолвил Джон.

– И это все, что ты можешь мне сказать, Джон? – спросила девушка.

– Да! – отозвался Джон и прошел дальше. Спустя три недели после боя все суда каравана и их конвоиры встали на якорь в виду города Квебека. Как только был спущен якорь, Альфред получил разрешение немедленно отправиться на транспорт «Лондонский Купец», где родные его только теперь узнали о том, что он был ранен в сражении. Он все еще носил руку на перевязке, но рана его быстро заживала.

В то время как они беседовали, сообщая друг другу подробности своего путешествия, им доложили, что капитан Лемлей едет сюда, и семейство Кемпбель вышло на палубу встретить его.

– Ну, сударыня, – проговорил капитан после первых обычных приветствий и расспросов, – теперь вы должны поздравить меня с тем, что мне удалось захватить судно сравнительно более крупное, чем мое, а я должен вас поздравить с несомненным повышением в чинах вашего сына, повышением, вполне заслуженным им.

– Я крайне признательна вам за все, капитан Лемлей, и сердечно благодарю; сожалею только о том, что мой мальчик был ранен!

– Это именно то, чему вы особенно должны были бы радоваться, миссис Кемпбель, – засмеялся Лемлей. – Это счастливейшая из случайностей; ведь эта рана не только дает ему всевозможные права и преимущества по службе, но дает еще мне возможность отпустить его с вами в Канаду, не отчисляя его от должности или, вернее, не увольняя его со службы.

– Каким же это образом, капитан?

– Я могу списать его в госпиталь в Квебек, и он может оставаться с вами, сколько ему будет угодно; если там, в Англии, вспомнят о нем, то разве только подумают, что рана его несравненно серьезнее, чем на самом деле; вот и все. Между тем он все время будет получать половинное жалование. Однако я должен спешить: я еду на берег с донесением к губернатору и по пути завернул к вам. Во всяком случае, прошу вас быть уверенными, что если я могу быть вам чем-нибудь полезен, то все, что в моей власти, всегда готов сделать для вас! – добавил капитан Лемлей и стал прощаться.

Вскоре после его отъезда миссис Кемпбель с Генри также отправились на берег подыскать подходящее помещение на время их пребывания в Квебеке и тут вдруг неожиданно столкнулись в одной из улиц с капитаном Лемлеем.

– Как я рад, что встретил вас! – заговорил капитан. – Дело в том что я сейчас узнал от губернатора, что здесь существует то, что мы называем «адмиралтейское помещение», предназначенное для пребывающих в Квебеке старших морских чинов королевского флота; следовательно, в настоящее время эта вполне обставленная квартира в моем полном распоряжении, но так как губернатор пригласил меня поселиться у него во дворце, то я имею возможность предоставить вам в полное ваше распоряжение адмиралтейское помещение, где вам будет несравненно удобнее и спокойнее; кроме того, это избавит вас от расходов за помещение.

Поблагодарив капитана Лемлея в самых сердечных выражениях, г-жа Кемпбель с сыном вернулась на свой транспорт, совершенно счастливая и радостная.

Спустя несколько дней семейство Кемпбель удобно устроилось в адмиралтейском помещении, где их поместили капитан Вильсон и мистер Фаркхар, один из местных купцов, к которым у них были рекомендательные письма, предложивший им с величайшей готовностью свою помощь и содействие во всем, что им понадобится.

По прошествии четырех дней капитан Лемлей простился со своими друзьями, предварительно позаботившись познакомить мистера Кемпбеля с губернатором, который отдал ему визит и был положительно очарован его семьей.

Вскоре после того губернатор пригласил к себе мистера Кемпбеля и сказал ему:

– Я, конечно, принимаю живейшее участие в судьбе каждой английской семьи, переселяющейся в Канаду; но ваше будущее благополучие принимаю особенно близко к сердцу, так как предвижу, что людям вашего круга и воспитания свыкнуться с здешними условиями жизни будет особенно трудно. Поэтому я готов сделать для вас все, что могу. Сейчас я жду к себе главного управляющего местными земельными участками; этот человек может всего лучше посоветовать вам в выборе участка; я познакомлю вас, и он, наверное, не откажется помочь вам.

Когда главный управляющий явился, то дело с выбором наилучшего и удобнейшего во всех отношениях участка было решено в какой-нибудь час времени. Оказалось, что там по соседству был уже занят года четыре тому назад один участок неким Малачи Бонэ, который был проводником английской армии при сдаче Квебека, и который знает здесь каждый клочок земли, и чего она стоит. Генерал Вольф, ввиду его особых заслуг, приказал отрезать ему от казенного участка полтораста акров лучшей земли.

– Иметь этого Малачи Бонэ соседом будет для вас чрезвычайно приятно! – заметил губернатор. – Кроме того, вам нужно было бы иметь человека в полном вашем распоряжении, слугу или рабочего, который бы был хорошо знаком с местными обычаями и условиями жизни; быть может, г. главноуправляющий может указать вам на такого человека! – добавил губернатор.

– Да, – отозвался главноуправляющий, – я знаю такого человека; это Сепер.

– Что? Тот самый, который теперь сидит в тюрьме за буйство? – спросил губернатор.

– Да, тот самый! Здесь, в Квебеке, он буйный, неспокойный малый, но там, в лесах, вдали от города, это золотой человек! Вам может показаться странным, мистер Кемпбель, что я рекомендую вам столь беспокойного и буйного парня, которого для усмирения приходится сажать в тюрьму! Но дело в том, что эти трапперы, проводящие целые месяцы в лесах в погоне за зверьем, шкуры и меха которых они продают здесь, до того рады дорваться до городских соблазнов и увеселений, что как только в их руках окажутся деньги, вырученные от продажи шкур, начинают кутить и беспутствовать до тех пор, пока у них не останется ни гроша за душой; а тогда они снова возвращаются в свои леса и принимаются за охоту, сопряженную со всякого рода опасностями и лишениями. Я знаю его хорошо. Он в течение нескольких месяцев состоял при мне и я могу сказать, что в то время, когда он состоит на службе, трудно найти человека более усердного, деятельного, честного и надежного, чем он!

По просьбе мистера Кемпбеля, главный управляющий взялся переговорить с Мартыном Сепером, после чего мистер Кемпбель откланялся, выразив свою благодарность обоим местным сановникам.

Недели две спустя, когда мистер Кемпбель запасся всем, что считалось необходимым при отправлении в глубь страны, а женщины, накупив местных тканей, усердно заготовляли подходящие одежды для себя и для своих домашних, губернатор прислал своего адъютанта уведомить мистера Кемпбеля и его семью, что через десять дней он отправляет в форт Фронтиньяк, вблизи которого находился участок, приобретенный мистером Кемпбелем, отряд солдат под начальством вполне надежного и опытного офицера, так как местный гарнизон форта был сильно ослаблен вследствие занесенной туда кем-то злокачественной лихорадки; если мистер Кемпбель с семьей пожелает воспользоваться этим удобным случаем, то для него, его семьи и всей их клади найдется достаточно места в казенных барках, так что ему не надо будет беспокоиться о способах доставки к месту назначения его семьи и имущества и расходовать понапрасну деньги, не говоря уже о надежном конвое на всем протяжении пути.

Глава VI

На другой день после этого любезного предложения со стороны губернатора мистера Кемпбеля посетил главноуправляющий в сопровождении Мартына Сепера.

– Вот, мистер Кемпбель, мой приятель Мартын Сепер, – проговорил он. – Я с ним переговорил, и он согласен поступить к вам на службу на год и остаться у вас и дольше, если ему будет хорошо, и вы будете довольны им, в чем я уверен.

Мартын Сепер был высокий, прямой, как пальма, молодой человек, по всей видимости, сильный и деятельный; голова его была несколько мала пропорционально его росту и сложению, что придавало ему особенно стройный вид. Наружность у него была чрезвычайно привлекательная, добродушная и веселая; одет он был по-охотничьи: носил меховую шапку и широкий кожаный пояс, за которым у него был заткнут большой охотничий нож.

– Ну, Мартын Сепер, теперь я прочту тебе условие, составленное мною от имени мистера Кемпбеля, и если вы оба будете согласны, то подпишитесь под документом, и все будет в порядке!

Пока главноуправляющий читал один за другим пункты договора, Мартын Сепер утвердительно кивал головой в знак согласия.

Когда он окончил, то предложил мистеру Кемпбелю подписать условие, что тот и сделал без малейшего возражения, затем передал перо Мартыну Сеперу.

– Дело в том, г. управляющий, что я не знаю, как пишется мое имя! – заметил тот. – А если бы и знал, то и тогда не мог бы написать его; ведь я писать не умею, а потому мне придется по-индейски скрепить этот документ, поставив вместо моей подписи мою эмблему!

– А как вас зовут индейцы, Сепер?

– Пантерой! – ответил Мартын и нарисовал это изображение. – Вот оно, мое имя так, как я умею его писать! – добавил он смеясь.

– Прекрасно! – сказал главноуправляющий. – Вот, г. Кемпбель, вручаю вам этот документ; он вступает с настоящего момента в законную силу; а мне позвольте теперь проститься с вами и с вашими дамами, так как меня ждут в другом месте. Мартына Сепера я оставляю у вас: вероятно, вы пожелаете еще поговорить с ним!

– Надеюсь, Сепер, что мы с вами будем добрыми друзьями, – проговорила г-жа Кемпбель, – а для начала объясните мне, что вы понимаете под словом «моя эмблема».

– Эмблема, это – подпись индейца, а я, вы знаете, наполовину индеец. Каждый индейский вождь имеет свою эмблему, т. е. прежде всего свое прозвище; одного зовут Большой Ящерицей, другого – Змеем, третьего – Соколом и т. д., и каждый из них вместо подписи ставит изображение того животного, название которого является его прозвищем. А мы, трапперы, большую часть своей жизни проводим среди индейцев, живем вместе с ними, и они наделяют нас тоже прозвищами; меня они прозвали Пантерой, потому что мне случилось убить в один день двух пантер!

– А вам знакома та местность, куда мы отправляемся? – спросил Генри.

– Еще бы, я исходил ее вдоль и поперек во всех направлениях; только бобер стал нынче редок!

– Ну а водятся там другие животные?

– Да как же! Мелкой дичи сколько угодно!

– Какой мелкой дичи?

– Ну, пантер, медведей!

– Боже милостивый! – воскликнула смеясь г-жа Кемпбель. – И это вы называете мелкой дичью? Что же у вас называется крупной?

– Бизоны… вот это крупная дичь, сударыня!

– Ну, да, но те животные, которых вы назвали, непригодны в пищу, – продолжала г-жа Кемпбель, – а там есть и такая дичь, которая годилась бы к столу?

– О, сколько хотите! Лани, олени, дикие индюшки, да и медведи дают превосходное мясо!

– Да, да! – согласилась г-жа Кемпбель.

Вскоре Сепер ушел, оставив по себе самое лучшее впечатление.

Не прошло двух-трех дней, как Альфред совершенно подружился с Мартыном Сепером, с которым он был положительно неразлучен.

– Вы что-то говорили о ружьях, – заметил однажды Сепер, когда зашла речь о том, что еще следует приобрести перед отъездом. – Какие ружья имеются у вас?

– У нас три охотничьих ружья и три мушкета, кроме пистолетов!

– Охотничьи ружья годятся только на птиц! Куда они здесь! А мушкеты, солдатские ружья тоже ни к чему; пистолеты же – хлопушки, немногим лучше

хлопушек. Вам нужны нарезные ружья, карабины; без карабинов здесь пропадешь. У меня есть славный карабин. Ну, и вам надобно запастись карабинами!

– Хорошо, но сколько же нам следует приобрести их?

– Это смотря по тому, сколько вас всего душ.

– Нас всего с детьми пять мужских и три женских души.

– Ну, так, скажем, десять карабинов! Каждому по карабину, да еще два запасных на всякий случай!

– Неужели, Мартын, вы думаете, что эти дети и барышни, и я станем стрелять из карабинов?

– Ну, да, конечно! Я был моложе этого мальчика, когда научился стрелять почти без промаха! Я научу и его, а женщина, если не стрелять, то чистить и заряжать ружье обязательно должна уметь, да и выстрелить уметь при случае никакой женщине не мешает. Я не говорю, что нам непременно придется убивать людей; но надо, чтобы люди кругом знали, что у нас есть оружие, заряженное на всякий случай.

– Вы правы, Мартын, надо быть ко всему готовыми! Мы приобретем десять карабинов, и вы научите всех нас управляться с ними.

Наконец приготовления были окончены, закупки сделаны, и тогда получилось письмо от губернатора, в котором он извещал мистера Кемпбеля, что через три дня отправляется отряд, что вещи и кладь можно уже начинать грузить на баркас, и если мистер Кемпбель не успел еще приобрести скота и лошадей, то командир форта Фронтиньяк может снабдить его тем и другим, так как у него больше, чем нужно. Таким образом, не надо будет возиться с доставкой этих животных. В конце письма было приглашение мистеру Кемпбелю с супругой, обеими барышнями и двумя старшими сыновьями пообедать накануне отъезда в губернаторском доме. За обедом губернатор познакомил своего гостя с начальником отправляющегося в форт Фронтиньяк отряда, которому и поручил заботу о семействе поселенцев. Мало того, губернатор отдал распоряжение захватить с собой два больших походных шатра или палатки, чтобы

переселенцы могли первое время укрываться в них, пока не будет выстроен хотя бы временный коттедж, после чего эти палатки могут быть доставлены обратно в форт. Дамам губернатор предлагал даже остаться у него в доме до тех пор, пока мистер Кемпбель с сыновьями не устроятся на новом месте, но от этого все три дамы в один голос отказались, желая разделить все трудности наравне с остальными членами своей семьи.

Глава VII

Несмотря на то что была уже половина мая, в момент отъезда семьи Кемпбель из Квебека первые признаки зелени на полях и на деревьях едва начали появляться. Но в течение трех дней все разом оделось зеленью и густой листвой, и вместо царившего до того холода, настала теплая погода. В Канаде и в Северной Америке вообще такие переходы от стужи к жаре чрезвычайно быстры.

Так, например, в Квебеке принято с наступлением холодов бить весь скот и птицу и всех домашних животных, предназначенных на убой, и складывать мясо в кладовые, где оно моментально замерзает и таким образом сохраняется в продолжение шести-семи месяцев, т. е. в продолжение всей канадской зимы. Водится здесь еще мелкая рыбешка, называемая «снеговой рыбой», которая ловится в продолжение всей зимы; с этой целью прорубаются проруби во льду, и рыба тысячами устремляется к ним, чтобы дышать воздухом, а рыбаки в это время ручными сачками вылавливают ее и выбрасывают на лед, где она в ту же минуту замерзает так крепко, что ломается, как ледяная сосулька. Этою рыбой здесь в продолжение всей зимы кормят скот и свиней. Любопытно то обстоятельство, что если эту мороженую рыбу вы опустите в воду через сутки и даже больше, то она оттает и оживет, как ни в чем не бывало.

Однако будем продолжать наш рассказ.

Когда все решительно было сделано, запасено, закуплено, оплачено, оказалось, что у мистера Кемпбеля осталось на руках еще 300 фунтов, которые он и поместил на проценты в Квебекском банке.

В день отъезда сам губернатор, его адъютанты и многие высокопоставленные лица города явились на пристань проводить семью поселенцев. Раньше всех разместились в баркасах солдаты, затем офицеры и пассажиры, и маленькая флотилия отчалила от пристани при наилучших пожеланиях провожающих.

Первое время наши переселенцы предавались воспоминаниям о прошлом, с которым они теперь порывали, и мечтали о том, что их ожидает впереди, но затем красота пейзажа и новизна окружающей обстановки вывела их из задумчивости.

Офицер, командующий отрядом, помещавшийся в одном баркасе с ними, оказался чрезвычайно милым молодым человеком по фамилии Сенклер. Стройный, элегантный и благовоспитанный, он был чрезвычайно внимателен и предупредителен к своим спутникам.

– Что это там, деревня? – спросила Мэри Персиваль у молодого капитана. – Я вижу три-четыре маленьких домика прямо против нас!

– Нет, мисс! Это плот, громадный плот, плывущий вниз по реке; когда мы подойдем ближе, вы увидите, что он занимает пространство в два-три акра; на нем три яруса бревен строевого леса; стоимость такого плота достигает иногда нескольких тысяч фунтов. На плоту этом находится от 40 до 100 человек рабочих, которые гонят его к месту назначения, а дома, которые вы видите, построены на плоту для удобства этих рабочих, которые живут в них по несколько недель, иногда месяцев. Такой плот может нести груз тридцати или сорока судов! – пояснил капитан Сенклер.

Вскоре все баркасы пристали к берегу, люди высадились и принялись готовить обед. После двухчасового отдыха все снова продолжали путь и перед самым заходом прибыли в Сент-Анну, где все было готово для их ночлега, а также и ужин для путешественников.

Мартын Сепер, помещавшийся с двумя младшими мальчиками на другом баркасе, успел уже приобрести за этот день их дружбу и расположение своими рассказами о жизни в канадских лесах.

С рассветом наши путешественники продолжали свой путь; в разговоре кто-то упомянул имя «Понтиак». – Скажите, капитан, – обратилась г-жа Кемпбель к

молодому Сенклеру, – можете вы сообщить нам какие-нибудь сведения об этом Понтиаке! Я знаю о нем только, что это был вождь индейцев, и в Квебеке часто слышала упоминания о нем; очевидно, он здесь пользовался большой популярностью!

– Да, несомненно! Он был вождь всех племен, расположенных по озеру, но сам он из племени Оттава. Он властвовал здесь в те годы, когда французы отдали нам Канаду. Поначалу, хотя и чрезвычайно гордый и надменный, он все-таки относился весьма прилично к англичанам, хотя все северные племена смотрели на англичан очень враждебно. Надо вам сказать, что французы в бытность свою хозяевами страны понастроили здесь множество фортов на всех важнейших пунктах, и англичане ввели во все эти форты свои гарнизоны, чтобы держать индейцев в страхе.

Эти форты стоят особняками на большом расстоянии друг от друга и совершенно изолированы, и вот Понтиак задумал выгнать англичан из фортов, для чего порешил овладеть неожиданно всеми фортами одновременно; план его был до того гениально задуман и так хорошо выполнен, что в одну ночь или, вернее, в один вечер индейцы овладели всеми фортами, кроме трех.

– Что же, он уничтожил гарнизоны повсеместно? – спросил Альфред.

– Наибольшую часть, да; но некоторых он пощадил и впоследствии взял за них громадные выкупы. Кстати, надо вам сказать, что в эту пору Понтиак выпустил ассигнации – на березовой коре с изображением его эмблемы – выдры, и эти ассигнации принимались и беспрепятственно оплачивались, т. е. обменивались по указанной ценности.

– Интересно знать, каким образом Понтиак сумел завладеть разом почти всеми фортами? – заметила г-жа Кемпбель.

– Очень просто, в сущности. Все индейцы чрезвычайно ловки и проворны в своей излюбленной игре «Баггативай», – это игра в мяч, наподобие нашего тенниса или гольфа; играют также ракетками с длинными ручками, разделившись на две партии. Играют иногда по несколько сот человек в каждой партии. Англичане сильно увлекались этим зрелищем и часто просили индейцев доставить им это удовольствие, когда те случайно оказывались вблизи форта. На этой-то игре Понтиак и построил свой план: большие отряды индейцев должны были затеять

эту игру у каждого форта и, поиграв некоторое время в присутствии всего гарнизона, как бы случайно забросить мяч в самый форт. Несколько человек должны были пойти в форт за мячом и, вернувшись с ним, продолжать игру, оставив несколько товарищей в стенах форта. Повторить эту штуку раза два, чтобы не возбудить подозрения гарнизона, и, наконец, забросив еще раз мяч в стены гарнизона, вдруг кинутся за ним всей ватагой в ворота форта и занять его, пустив в ход скрытое на себе оружие, в тот момент, когда увлеченный интересным зрелищем гарнизон еще не успел ничего заподозрить и сообразить, – таков был план.

– Да, это был чрезвычайно ловкий план, – заметила г-жа Кемпбель.

– И он удался почти повсеместно; не поддались обману только три форта, в том числе и тот, на который вел атаку сам Понтиак, а именно форт Детруа, где находился и мой родной дядя в качестве молодого офицера.

– Пожалуйста, расскажите, каким образом устоял против этого форт! – стала просить Сенклера Эмми.

– С величайшим удовольствием! – сказал капитан. – Итак, в форте Детруа был гарнизон из 300 человек, но Понтиак прибыл туда с громадными силами, причем его воины были до того сбиты в общую кучу с женщинами и детьми, что не было никакой возможности разобраться в их численности. Этот пестрый, шумный табор привез с собой множество различных товаров и предметов на продажу, чтобы отклонить подозрения. Гарнизон ничего не знал о захвате других фортов, и майор Глэдвин, командир форта Детруа, не имел ни малейшего подозрения. Понтиак послал сказать майору, что он желал бы поговорить с ним и упрочить еще более дружественные отношения между англичанами и индейцами, и майор Глэдвин выразил согласие принять Понтиака и старших вождей его у себя в форте на другой день утром.

Между тем случилось так, что майор заказал одной женщине изготовить себе пару мокасин, и та принесла их ему как раз накануне дня, назначенного для приема Понтиака и его вождей. Получив мокасины, майор рассчитался щедро с женщиной и отпустил ее. Но та не уходила из форта и скрывалась в нем. Это возбудило подозрение; ее стали допрашивать, и она сказала майору Глэдвину, что Понтиак со своими вождями затеяли предательство, что они явятся, скрывая под своими плащами ружья, и явятся для того, чтобы предательски убить майора и всех его офицеров, которые должны были присутствовать на

совещании; одновременно с этим воины, индейцы, которые войдут в форт якобы с товарами, должны напасть на гарнизон и истребить его.

Майор принял все меры, и когда Понтиак со своими вождями явился в форт, то встретил его вполне дружелюбно, выслушал речь вождя, и когда стал отвечать, то сказал ему, что его предательский замысел ему известен, и он принял против него все меры; он просил Понтиака и его вождей немедленно покинуть форт, Конечно, майор мог задержать вождя и его сподвижников или приказать умертвить их тут же, но Глэдвин был человек чрезвычайно благородный, и так как еще до открытия предательского замысла дал Понтиаку обещание, что и он, и его вожди войдут и выйдут из форта беспрепятственно, то счел долгом, вопреки всему, сдержать данное слово. Но результаты его великодушного и благородного поведения оказались весьма печальные, так как на другой же день Понтиак повел отчаянную атаку на форт, и хотя атака эта была отбита, Понтиак обложил форт со всех сторон, отрезал всякое сообщение с ним, прекратил подвоз провианта и решил принудить гарнизон сдаться путем голода и всевозможных лишений. …А вот и «Три Реки», где мы должны ночевать сегодня. Наши баркасы уже пристают к берегу; вы позволите мне прервать на этом мой рассказ и позаботиться о вашем ужине и ночлеге! – проговорил капитан Сенклер и первым выскочил на берег.

Глава VIII

На другой день, по словам капитана Сенклера, предстоял более долгий путь, а потому следовало покинуть укрепленную деревушку «Три Реки» как можно раньше, т. е. с рассветом.

– А сколько пути должны мы пройти сегодня? спросила г-жа Кемпбель.

– По возможности около пятидесяти миль; за первые двое суток мы прошли 15 миль, но отсюда до Монреаля всего 90 миль, и нам важно сегодня отложить большую половину всего пути, чтобы можно было провести ночь на открытом месте, где мы будем в безопасности, а не среди леса. Теперь нам придется ночевать под открытым небом, так как нигде поблизости нет жилья. Для вас мы приспособим палатку! – добавил любезно Сенклер.

– А остальные где же будут спать?

– О, об остальных не беспокойтесь! Мы расположимся вокруг костров или в тех же баркасах, вытащенных на берег.

Когда в этот вечер все поужинали и успокоились, Мэри Персиваль обратилась к капитану Сенклеру с просьбой рассказать, что было дальше с блокированным фортом и с осаждавшим его Понтиаком.

– Освободить форт было чрезвычайно трудно, так как он был совершенно отрезан. Но после целого ряда неудачных попыток адъютанту губернатора, молодому Дельеллю, удалось пробраться в форт с 200 солдат и сделать вылазку против Понтиака. Но тот был настороже: вылазка не удалась, и все участники ее погибли до последнего. Положение форта было отчаянное; все суда, посланные с провиантом и припасами для осажденных, попадали в руки Понтиака. Наконец, один шунер с припасами, пробираясь к форту, подвергшись нападению индейцев, окруживших его в своих каноэ со всех сторон, был взят неприятелем на абордаж. Но в тот момент, когда индейцы сотнями повисли на вантах, карабкались на шкафуты и наводняли палубу, капитан шунера, человек чрезвычайно решительный и находчивый, решившийся не отдаться живым в руки индейцев, крикнул канониру взорвать пороховой погреб. Это приказание было услышано и принято одним из вождей Понтиака, который в ту же минуту предупредил своих об опасности, и все они бежали с обреченного на гибель судна. Тогда капитан, воспользовавшись попутным ветром, благополучно добрался до форта.

– Как мы слышали, Понтиак теперь уже умер, – заметила г-жа Кемпбель. – Не можете ли вы сказать, как он умер?

– Он был убит одним из своих; но трудно сказать, что подвинуло этого индейца на убийство великого вождя, личная ли месть или опасение новых кровопролитных войн с англичанами. Во всяком случае, жгучее чувство ненависти к англичанам схоронено вместе с этим непримиримым борцом за свободу и независимость родных племен!

– Несомненно, что этот Понтиак был удивительный человек, и все, что в нем было дурного, коварного и жестокого с нашей точки зрения, с точки зрения индейца было хорошо и похвально и вполне сообразно характеру индейцев! –

сказал Альфред.

– Остается только пожалеть, что он не был христианином! Если бы индейцы были христианами, это внесло бы много доброго в их взгляды и понятия! – отозвалась г-жа Кемпбель.

– Может быть, но их вера так ясна, так проста, что обратить их в новую веру чрезвычайно трудно! – возразил Сенклер. – Я однажды беседовал по этому поводу с одним старым индейцем, и в заключение он сказал мне: «Вы верите в Единого Бога, и мы также; вы называете его одним именем, а мы другим; но это происходит оттого, что мы говорим на различных языках; вы говорите, что кто поступает в своей жизни хорошо, тот идет в страну блаженства, в страну Великого Духа, после своей смерти; то же самое говорим и мы. Значит, и индейцы, и янки (так они зовут англичан) стремятся к одной и той же цели, но только и те, и другие стараются по-своему достигнуть ее. И потому я думаю, что так как мы все плывем по одному пути, то всего лучше, чтобы каждый человек плыл сам по себе; вот что я вам скажу!»

За два часа до заката наши путешественники прибыли на то место, где предполагался ночлег. Солдаты разбили палатку для дам на небольшом песчаном пригорке, а Мартын Сепер принес туда постели. Затем разведены были два громадных костра, и на них готовили ужин и чай. Поужинав и напившись чаю, дамы удалились в палатку, у которой были расставлены часовые, а все остальные разлеглись вокруг костров под охраной других часовых, сменявшихся каждые два часа.

На другой день рано утром тронулись в путь и к вечеру прибыли в Монреаль, где решено было провести целые сутки. Имея рекомендательные письма к губернатору и властям, мистер Кемпбель и его семья были приняты здесь с распростертыми объятиями; для них было отведено прекрасное помещение в губернаторском доме, и все местное общество, почти сплошь французское, было чрезвычайно мило и любезно к ним. После парадного, веселого и оживленного ужина семейство Кемпбель рассталось с капитаном Сенклером, который предложил, если они пожелают, пробыть здесь еще одни сутки; но наши путешественники отказались, спеша скорее прибыть к месту своего назначения. Итак, поутру все снова разместились по своим баркасам и тронулись в путь. Теперь им оставалось еще проплыть вверх по реке против течения 360 миль; местами встречались стремнины и пороги, представлявшие большие затруднения. Однако после 16 дней трудного пути все баркасы с их

пассажирами прибыли благополучно в форт Фронтиньяк, где поселенцы были очень ласково и сердечно встречены комендантом полковником Форстером, успевшим, благодаря заблаговременно полученному им письму губернатора Квебека, приготовить все для приема гостей.

Оставшись одни в отведенных им комнатах, семейство Кемпбель от всей души возблагодарило Бога за свое благополучное путешествие и просило Его благословения на предстоящую новую жизнь, которая отныне должна была начаться для них.

Глава IX

Поутру все встали и вышли на вал, чтобы полюбоваться открывающимся оттуда видом. Солнце светило ярко и приветливо; птицы пели, на душе становилось легко и приятно.

– Право, как посмотришь на все это, не хочется верить, что жизнь в этой стране так тяжела и неприятна! – заметила г-жа Кемпбель.

– Да, – сказал подошедший к ним полковник Форстер, – если бы погода всегда была так хороша, как сегодня! Но в Канаде долгие, скучные зимы и короткое жаркое лето, и я должен сказать, что вам надо очень спешить с постройкой дома, чтобы устроиться в нем до наступления зимы. Между тем силы ваши очень невелики; я хотел предложить вам двенадцать человек рабочей нестроевой команды на несколько недель для производства необходимых работ на постройке, а капитан Сенклер вызвался принять над ними командование; это будет для вас весьма существенной подмогой и будет стоить очень немного; я же легко могу обойтись без этих людей некоторое время!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/frederik-marriet/kanadskie-poselency

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить